

Защита данных и трудовых прав в цифровую эпоху после COVID

07 мая 2020 г.

*Это интервью с помощником генерального секретаря Интернационала Общественного Обслуживания (ИОО) **Даниэлем Бертоссой** первоначально появилось на *Bot Popoli*. Оно затрагивает роль государственного сектора и его работников в цифровую эпоху, то, как развивается стратегия ИОО для решения новых задач, как можно использовать существующие модели для лучшего перераспределения богатства в цифровой экономике, а также как кризис Covid-19 ускоряет органическое наращивание солидарности между различными движениями трудящихся.*

Вопрос: Как вы оцениваете кризис Covid-19 в контексте положения работников государственного сектора и тех опасных условий, в которых они работают?

ДБ: Мы действительно наблюдаем трагедию, которой можно было избежать. Пандемия по-разному затрагивает разные страны, в зависимости от того, насколько быстро они на нее реагируют, и от уровня их развития. Большинство систем общественного здравоохранения недостаточно развиты, чтобы справиться с кризисом. Там, где раньше были сильные универсальные системы общественного здравоохранения, они были подорваны за последние несколько десятилетий. Поэтому мы видим системы здравоохранения, которые не способны или не имеют возможностей реагировать на всплеск инфекций. Работники сталкиваются с нехваткой средств индивидуальной защиты, что является не только трагедией с точки зрения способности обеспечивать безопасность работников, но и подрывает возможности справиться с пандемией уже и так перенапряженных систем здравоохранения. Мы видим, как врачи и медсестры заболевают, умирают и покидают работу.

Таким образом, мы наблюдаем настоящий кризис общественного здравоохранения и, честно говоря, кризис, которого можно было полностью избежать. Вы слышите, как политики говорят, что никто не мог этого предсказать. Но на самом деле Всемирная организация здравоохранения предупреждала о вероятности пандемии. Другие, в том числе профсоюзы и Интернационал Общественного Обслуживания, говорят, что необходимо наращивать потенциал наших систем государственного здравоохранения, чтобы каждый мог получить доступ к качественному, универсальному общественному здравоохранению. Что мы видели из мирового финансового кризиса, кризисов Эболы и атипичной пневмонии, так это то, что страны игнорировали необходимость улучшения государственных обеспечения и правил. Они продолжают аутсорсинг и приватизацию систем здравоохранения. В результате сейчас мы видим, что работники здравоохранения, работники, осуществляющие уход, работники транспорта, розничной торговли подвергаются ненужному риску из-за того, что в последние десятилетия прибыли ставятся выше людей.

Вопрос: Как цифровой поворот в экономике усугубляет некоторые из этих проблем?

ДБ: Развитие цифровых технологий позволяет фрагментировать производственный процесс. Вместо того, чтобы строить автомобиль в одной стране, рабочий процесс рассредоточен по всему миру. Это привело к снижению заработной платы, заставило страны снизить экологические и трудовые стандарты в условиях конкуренции за инвестиции. Это также означает, что правительства утратили контроль над жизненно важными производственными процессами, необходимыми для обеспечения благополучия населения. Цифровая экономика ускорила этот процесс, а торговые соглашения сделали эти изменения постоянными. Цифровизация также распространила их на государственные службы. В кризисе Covid мы видим разрушительные проявления последствий такого отсутствия контроля в нехватке аппаратов ИВЛ и даже простых вещей, таких как маски и защитные халаты.

Но цифровизация также в корне меняет этот процесс и выходит на новый уровень с введением искусственного интеллекта. Теперь мы наблюдаем не только разрушение рынков, но и использование цифровых технологий, позволяющих избежать регулирования рынка. Например, такая компания, как Airbnb, может утверждать, что она не является гостиничной компанией, и законы и правила, которые города вводят в отношении того, каким образом должны управляться отели, к ней не применимы. Она не владеет отелями или зданиями. Так может ли она регулироваться нами как гостиничный провайдер? Вы видите это на примере компании Uber. Ряд городов пытается регулировать Uber, как для защиты потребителей, так и для обеспечения трудовых прав водителей. И ответом Uber было то, что они не являются транспортной компанией. Как можно регулировать ее деятельность, если у нее нет ни автомобилей, ни водителей?

Подобные компании часто утверждают, что являются техническими платформами, которые просто сводят людей, предоставляющих услугу, с людьми, которые нуждаются в услуге. Но если вы хотите использовать эти сервисы, вы должны следовать правилам этих платформ. **Таким образом, правила рынка уже больше не устанавливаются демократическими правительствами, но устанавливаются крупнейшими неподотчетными глобальными корпорациями.** И это только свежий пример гиперглобализированного, гиперсвободного рынка, который ускоряет уже происходящие процессы и препятствует как способности правительств обеспечивать своих граждан, так и попыткам сообществ, профсоюзов и гражданского общества защищать людей, права человека и общественные интересы.

Вопрос: Вы представляете федерацию профсоюзов, которая объединяет работников государственного сектора в разных сферах. Как, по вашему мнению, цифровой поворот влияет на области ваших основных интересов, такие как образование, канализация, здравоохранение, социальное обеспечение, энергетика и т.д.?

ДБ: Во многих областях мы наблюдаем усиление надзора, интенсификацию труда, деперсонализацию работы и гиперсвязанность. Например, в таких областях, как уход на дому, можно наблюдать за работниками и отслеживать их маршруты от дома к дому. **Тейлористские типы инструментов управления, которые мы видели в 1920-х и 1930-х годах вокруг конвейерных линий, и которые, как мы снова увидели, проявились в 1980-х годах в связи с телемаркетингом и колл-центрами, теперь начинают, как мы видим, внедряться в секторе ухода.** Спрос на эффективность и снижение затрат ведет к такому типу наблюдения. Это оказывает огромное влияние на качество оказываемой помощи, а также на благополучие работника. Это негативно сказывается на качестве жизни людей и увеличивает стресс. В сочетании с увеличением нестабильной занятости, повышенный уровень стресса становится серьезной проблемой для здоровья и безопасности работников.

Мы наблюдаем это и в других областях, о которых люди могут и не задумываться, таких как коммунальные услуги. Например, мы все больше слышим об идее «умных городов», в которых есть мониторы, встроенные в различные процессы. Например, Германия внедряет интеллектуальные насосы в систему распределения воды. У этих интеллектуальных насосов есть датчики, которые контролируют поток воды и отправляют сообщения в центральную зону управления об обслуживании и так далее. И это звучит как нечто положительное, но поднимает целый ряд вопросов, которые правительство и граждане просто не могут решить. Например, кому принадлежат данные, полученные от датчиков? Если договор с компанией не будет продлен, город потеряет доступ к этим данным? Есть ли дублирование данных операторами-людьми в случае сбоя? Кто несет ответственность в случае сбоя в системе датчиков? Поставщик технологии или производитель? Город? Или рабочие, которые используют эту технологию? Если есть проблема с обслуживанием техники, то у кого права на поддержание этой технологии? Имеет ли компания, предоставляющая интеллектуальные насосы, исключительное право на техническое обслуживание? Если это так, то она имеет монополию в отношении поставщика воды и может извлекать дополнительную прибыль. Если это не так, и обслуживание техники осуществляется другой компанией, и возникает проблема, то кто несет ответственность? Что происходит в чрезвычайной ситуации? Все это влияние на предоставление общественных услуг не до конца понятно при внедрении технологий, но имеет серьезные последствия.

И все это помимо проблемы рабочих мест и того, как приличная работа в государственном секторе или на государственных предприятиях в настоящее время передается на аутсорсинг и превращается в нестандартную занятость за счет заключения контракта на многие из этих технологий. Помимо того, как трудно предоставлять качественные государственные услуги с привлечением непостоянной рабочей силы, этот процесс имеет катастрофические экономические последствия. Раньше мы говорили об автоматических стабилизаторах в экономике – о том, как наличие определенного количества людей на безопасных рабочих местах обеспечивает некоторую стабильность в экономике во время экономического шока, как, например, в условиях мирового финансового кризиса или сегодня, во время эпидемии коронавируса. Но то, что мы видим, - это выхолащивание даже имеющихся рабочих мест. Все больше и больше секторов экономики в настоящее время становятся уязвимы для циклических колебаний, и это оказывает огромное, проциклическое влияние на экономику. Большинство из этих вещей не понимаются политиками, когда они представляют их, и люди не всегда знают о включении счетчика, пока не случится что-то плохое.

Вопрос: В чем вы видите влияние этого цифрового поворота на глобальный Север и глобальный Юг?

ДБ: Уровень развития экономики очень важен в отношении воздействия цифровых технологий, и оно по-разному проявляется в разных регионах. Но и в разных странах это также проявляется очень по-разному, в зависимости от того, какие части национальной экономики развиты и к какому классу вы принадлежите. В такой большой экономике, как Нигерия, Индия или Бразилия, цифровизация проявляется совсем иначе для рабочего класса, по сравнению с высшими классами, профессионалами или владельцами капитала. Так что это - проблема развития, но это также - классовая проблема. В целом, то, что мы наблюдаем в более развитых частях экономики, - это интенсификация труда. Мы наблюдаем усиление отслеживания работников, потерю контроля над организацией работы, аутсорсинг и снижение заработной платы.

Но в развивающихся странах или развивающихся частях экономики все это смешано. Частично причина в том, что новая технология потенциально способствует развитию. У нее есть потенциал автоматизации, избавления от плохих рабочих мест, и никто не должен бояться избавляться от таких рабочих мест. И поэтому в развивающемся мире технология несет с собой очарование, обещание лучшего. Проблема заключается в том, что внедрение большей части этой технологии происходит при доминировании и монополизированном воздействии крупных международных корпораций, как правило, из развитых стран Запада, и они сильно сконцентрированы в США, Европе и все чаще - в Китае. Когда эти компании приходят со своими обещаниями, это редко бывает бесплатно. Способность развивающихся стран понять, какие их ждут затраты, и защитить себя от этих затрат невелика. Мы видим, как крупные корпорации обещают, например, дешевую интернет-инфраструктуру в обмен на монопольные права или право собирать данные, которые проходят через эту инфраструктуру. Начнем с того, что это выглядит как хорошая сделка. Но очень быстро страна осознает, что ценность монополии на предоставление этих услуг позволяет этим компаниям увеличивать расходы, контролировать жизненно важные отрасли экономики и удерживать правительство в заложниках. ***В конечном счете, способность собирать, присваивать и контролировать данные, проходящие через эту инфраструктуру, является чрезвычайно ценным активом. Контролируя эти данные, некоторые из крупнейших корпораций получили контроль над большими отраслями производительной экономики.*** Из-за торговых соглашений и механизмов разрешения споров между инвесторами и государствами правительствам, включая правительства, избранные демократическим путем, очень трудно вернуть себе контроль над своим цифровым будущим.

Вопрос: Как развивается стратегия ИОО для решения некоторых из этих новых проблем в цифровую эпоху?

ДБ: Профсоюзы занимаются вопросами внедрения технологий на протяжении десятилетий. В некотором смысле, ответ на внедрение технологий на рабочем месте не является чем-то новым. Нам необходимо обеспечить, чтобы работники были хорошо объединены в профсоюзы, хорошо организованы и могли оказывать давление во взаимоотношениях со своим работодателем, чтобы иметь некоторый контроль над внедрением технологий. По сути это означает вступление в профсоюз и ведение коллективных переговоров о внедрении этой

технологии. ИОО работает с членскими организациями, предоставляя им инструменты и лучшие практики того, как в этот процесс вносить больше коллективности. Но многое из этого зависит от рабочего места. Способ, которым учитель может внедрять технологии в классе, очень отличается, например, от способа, которым работник в сфере ухода может быть вынужден внедрять технологии в своей работе, или от способа, которым это делает электроремонтник. Тем не менее, работники должны понимать риски и угрозы, а также важность действий на опережение. Как только технология внедрена, ее очень трудно откатить назад. Также важно, чтобы работники защищали свои возможности мониторинга и анализа, потому что иногда даже поставщики технологии не до конца понимают ее последствия для работников, компании или пользователей этих услуг. Коллективные переговоры являются одним из наиболее важных способов сделать это.

Мы также должны спрашивать себя, кому принадлежат данные? Кто имеет к ним доступ и может их контролировать? Работники и государственный сектор производят огромное количество данных, которые являются наиболее ценным товаром в данный момент. Но в то же время, большая часть этих данных утекает в руки частного сектора. Мы видим в кризис Covid, что частный сектор владеет большим количеством данных, необходимых для производства вакцин и разработки методов лечения. Частному сектору принадлежит большая часть данных о перемещениях людей, которые эпидемиологи должны отслеживать, чтобы моделировать распространение вируса. Частному сектору принадлежит большая часть данных, которые могут информировать правительства о том, как правительствам необходимо решить проблему блокировки экономики. Если частный сектор владеет этими данными и контролирует их, а государственный сектор нуждается в них, то ему придется платить больше. Или иногда он вынужден работать с монопольным поставщиком этих данных, и это имеет последствия для работников. Нам необходимо работать с правительствами для защиты и охраны прав на государственные данные, чтобы правительство и государственный сектор могли использовать эти данные при необходимости.

Последнее, что я считаю жизненно важным, - это демократия. Мы наблюдаем концентрацию монопольной власти на рынках, массовое накопление богатства и уклонение от уплаты налогов крупными цифровыми фирмами. И мы видим использование данных для манипулирования и подрыва демократических процессов и институтов - будь то аналитический скандал в Кембридже, или то, как Facebook допускает или не допускает политическую деятельность, или огромные суммы денег, спрятанные в налоговых убежищах цифровыми компаниями, которые затем используют эти деньги для лоббирования политического процесса.

Государственный сектор, если он надеется контролировать «большие данные» и процесс цифровизации, должен быть регулятором. Нам необходимо создавать общественные институты, чтобы понимать процесс цифровизации, разрушения рынков и влияние глобализации на работников. Это создаст возможности для регулирования цифровой экономики в интересах людей. Если мы не будем ее регулировать, эти огромные монополии будут использовать свою монопольную власть для контроля над экономикой, и мы увидим, как прибыли ставятся выше людей.

Вопрос: Как нам создать новые модели для перераспределения богатства, которое уже возникает из «больших данных»?

ДБ: Есть некоторые общие модели, которые существовали всегда и которые могут быть адаптированы к новым технологиям и экономике данных. Например, налогообложение. Если компания получает монопольную прибыль, она должна облагаться налогом, как и все другие корпорации, и эти деньги должны использоваться для предоставления качественных государственных услуг. Благодаря действующим в мире правилам корпоративного налогообложения, которые позволяют и облегчают перераспределение прибыли, цифровые компании могут перевести почти всю, во многих случаях всю свою прибыль, в налоговые убежища. Поэтому национальные правительства не могут облагать налогом эту прибыль. Мы должны обеспечить, чтобы компании платили свои налоги и чтобы эти налоги платились в странах, где создается стоимость, но в данный момент цифровые компании создают и извлекают огромные суммы из данных, и не платят на них налог. Если глобальная корпоративная система налогообложения не работает, то страны должны вводить налоги на цифровые услуги.

Во-вторых, правительствам необходимо создать возможности для регулирования этих компаний и обеспечить, чтобы они не могли выйти за рамки нормативно-правовой базы. Это подразумевает создание институтов, которые могут сделать это, наличие политического мандата на контроль над этими компаниями и отсутствие боязни контролировать их. Но нам также нужны некоторые конкретные меры для обеспечения того, чтобы эта новая форма стоимости использовалась таким образом, чтобы она приносила пользу всем, и чтобы благосостояние и власть, возникающие в результате создания этой ценности, были справедливо распределены. Нам нужно начать искать новые модели государственных и общественных данных. Причина, по которой эти наборы данных отчуждаются у работников и их сообществ, заключается в том, что по отдельности наши данные стоят очень мало. Только когда все данные собраны и помещены в одно место, они получают огромную ценность. Работники или сообщества, которые совместно производят эти данные, должны иметь некоторую форму коллективной собственности на свои данные, чтобы извлекать коллективные дивиденды из генерируемой ими прибыли, иметь коллективный контроль над тем, как эти данные влияют на жизнь работников, потребителей услуг или членов сообществ, и иметь возможность контролировать сами данные и цели, для которых они используются.

Например, водители Uber и другие водители, имеющие мобильные телефоны, совместно создают данные о потоках трафика и должны иметь какую-то возможность влиять на то, как эти коллективные данные используются. В той мере, в какой это является общедоступным ресурсом и имеет характеристики общественной услуги, правительства должны иметь право голоса и контроль над тем, как используются эти данные. Тогда правительствам не нужно платить частной компании, если им нужны эти данные для регулирования транспортных потоков в городе. Единственная причина, по которой люди перемещаются, заключается в том, что они находятся на дорогах общего пользования, которые контролируются государственной полицией и разрабатываются градостроителями – и дело не в том, что это исключительно частный производственный процесс. Если есть данные о финансируемых государством испытаниях вакцин, которые необходимы правительствам для производства вакцин или разработки методов лечения – как, например, во время кризиса Covid, - то правительствам не нужно выкупать эти данные.

Нам необходимо создать новые формы коллективного и общественного владения данными, которые позволят правительствам, работникам и сообществам иметь некоторые права собственности на эти данные с момента их создания. Это не всегда должно быть полное владение - но если данные имеют общественную ценность, у общественности должна быть возможность получить к ним доступ и использовать их для общественного блага. Потому что, как только данные созданы, и вы передаете контроль над ними этим огромным многонациональным корпорациям, становится очень трудно вернуть эти данные обратно, либо в собственность, либо просто для их использования.

Вопрос: Как вы думаете, какие изменения в стратегии необходимы для мобилизации и укрепления солидарности среди движений трудящихся?

ДБ: Я думаю, что существует огромная потребность в обучении и предоставлении информации работникам. Пять лет назад рабочие не особо критиковали внедрение цифровых технологий. Как потребители, они были настроены в их отношении положительно. Думаю, что за последние пять лет в сознании большинства работников произошли изменения. Теперь они скептически относятся к этим технологиям, но это не привело к полному пониманию того, как они работают. И это часто приводит к тому, что работники становятся очень реакционными. Усиление части реакционного правого крыла и авторитарной политики, которое мы наблюдаем, вызвано тем, что рабочие и общество знают, что им предложена невыгодная сделка, но не до конца понимают, что им нужно с этим делать. Поэтому просвещение и предоставление информации имеет большое значение, равно как и формулирование четких требований. ИОО работает с гражданским обществом, пользователями государственных услуг, работниками в сфере непостоянной занятости и правительствами в развивающихся странах для разработки простых требований.

Во-вторых, нам также необходимо укреплять солидарность. На всех нас одинаково влияют технологии, цифровые корпорации и большие данные, но ощущения от этого у всех разные.

Такое ощущение, что силы, влияющие на работу медсестры государственного сектора, очень отличаются от сил, которые довлеют над рабочим на автомобильном заводе, и очень отличаются от сил, влияющих на уличного продавца или таксиста в компании, которая не охвачена регулированием. Тем не менее, в действительности, эти силы очень похожи. **Нам необходимо создать культуру солидарности, чтобы работники и сообщества понимали, что их борьба не может быть единоличной борьбой. Это должна быть коллективная борьба.** Нам нужно предъявлять требования как правительствам, так и работодателям. И наконец, нам необходимо постоянно подтверждать важность демократии и показывать, как эти цифровые изменения подрывают демократию.

В обстановке пандемии Covid вы видите, что такое укрепление солидарности происходит очень органично, поскольку люди начинают понимать, что здоровье и безопасность работников государственного сектора и их способность работать в условиях устойчивой занятости помогает всем. Есть также конкретные примеры этого. Например, работники компании Amazon, протестующие против условий своей работы, получают большую поддержку от общественности. И к ним присоединяются сообщества, в которых размещаются склады и распределительные центры Amazon. В Нью-Йорке возникло народное движение против внедрения этих складов, которое пять лет назад было бы невозможно. Мы также видим, как коллективы неофициальных таксистов, как в развитых, так и в развивающихся странах, организуются вместе. Это не всегда формальные профсоюзы, но это союзы, в которых работники собираются вместе, чтобы договариваться для себя о лучших условиях труда, что происходит даже с привлечением пользователей такси. Мы видим, как женские и феминистские группы протестуют против компаний такси, не охваченных регулированием, по причинам проявлений личного и сексуального насилия, потому что нельзя быть уверенными, что эти таксисты несут ответственность за предоставляемые ими услуги. Если такой вид обслуживания вытеснит хорошо регулируемые услуги, то мы остаемся с монополией небезопасных услуг. Таким образом, в этом примере видно, как группы работников, феминистские группы и группы потребителей объединяются.

<https://publicservices.international/resources/news/securing-data-and-labor-rights-in-the-post-covid-digital-era?id=10781&lang=en>